

12
4
Гучмазов Гяноз
я из ~~Г~~Южской
Осетии
у меня с собой
пакета подоло.

Пусть всегда будет мама,

пусть всегда буду я...

Пока политики делили страну,
наши дети стали фронтовиками.

Вчера корреспондент «КП» вернулся
с операции по доставке в Германию
раненых и изувеченных маленьких
граждан бывшего СССР

...Эту записку (ту, что опубликована в левом углу газеты) я получил в самолете от Апамаза Гучмазова. Ему — 12 лет. Он пережил две операции по ампутации ног. Верит: вот вернется из Германии на таких протезах, что будет снова бегать. Но пока ему надо было одолеть трап. Специальных подъемников для инвалидов в Шереметьево нет, и самых беспомощных детей мы несли на руках.

... — Держи меня покрепче, — шепнул мне в ухо Сослан в рюкзаке повис у меня за спиной. Я машинально хотел подхватить под коленки его ноги, но ухватил только два комка скрученных пустых штанов.

У трапа я поднял голову: наверху нас ждали красивые стюардессы. Они пытались улыбаться. А нам трап казался бесконечным, и сердце стучало, как костылики, — быстро-быстро...

Они уезжали надолго из горько любимой страны, потерявшей и название свое, и покой, и уважение чужих далеких стран. Эта страна потеряла все, кроме отчаянной слепой любви маленьких своих детей. Как они, уже глядя в иллюминатор, цеплялись взглядом за осенний воздух, за уносящуюся вниз землю, где остались мама, дом, двор, бабушка в Туле и дед в Ереване! Как уже в Германии девочки Эрна три дня плакала, умоляя отвезти ее обрат-

но в Степанакерт, домой, где свет дают на несколько часов и не каждый день, где готовят на огне, как в первобытные времена. Но там осталась мама, там где-то в окнах за городом — отец, уже пятый год не снимающий камуфляжа, там родина, о которой можно только петь или плакать.

До Еревана Эрну с мамой полез сосед на бензовозе. Ехали всю ночь по разбитой дороге. Потом оказалось, что у Армении нет денег, чтобы отправить детей до Москвы. Так и сказали в республиканском минздраве: мол, это ваши московские дела, вы сами думайте, как наших детей вывозить.

И российский Детский фонд вывез: восемь детей из Армении и НКАО, одиннадцать — из Таджикистана, двух — из Осетии, четверых — из Абхазии, двух из Молдовы, трех из Семипалатинска... Всего тридцать три ребенка «фронтовика» с такими травмами, ожогами, ранениями, что ни в республиках, ни в России помочь им уже не могут. За лечение взялась немецкая благотворительная организация «Международные детские деревни мира» во главе со своим директором 43-летним Рональдом Генфуртнером.

В Германию мы летели обычным рейсом «Аэрофло-

(Начало. Окончание на 2-й стр.).

Фото Марка РОМАНЧУКА.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МАМА,

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДУ Я...

(Окончание. Начало на 1-й стр.).
та» Двенадцать два мальчика и одиннадцать девочек в возрасте от трех до тринадцати лет и шестеро взрослых — три сотрудницы российского Детского фонда, трое корреспондентов из «Останкино» и «КП». Дети вели себя исключительно мужественно. За время трехчасового полета — ни одной истерики, ни слез, ни капризов. Коммерсанты и туристы, летевшие с нами в одном салоне, были потрясены.

Рядом со мной сидела шестилетняя Таня Коблякова. И всю дорогу мы рисовали винни-пухов и чебурашек. Таня только попросила закрыть до половины иллюминатор: «Не показывай мне высоты...» Таня почти год лежала в больнице, и, кажется, в первом классе ей теперь делать нечего — она и читает, как взрослая. Я пишу «по-письменному», и решаю задачи с трехзначными цифрами.

А позади меня сидел серьезный мальчик, который читал книжку про пирамиду Херена, а потом принялся за Кира Булычева. В пресс-релизе Детского фонда о нем было написано: «Петухов Кирилл, 1982 г. р., Таджикистан,

огнестрельная политравма с проникающим ранением грудной клетки, ампутированной левой верхней конечности...»

В Германии Кирилл ходил по городку, похожему на наш пионерлагерь, спрятанной в рукава. Было холодно, и все думали: мерзнет пацан, вот и прячет руки.

Кирилл Петухов (фрагмент диктофонной записи, 16 сентября 1994 года):

... — У нас в Душанбе дырка на дырке. Из чего только не стреляли тогда, прошлой осенью! Мы тогда у бабушки на «Масложире» были. «Масложир» — это район за универсамом и дальше, знаете?.. А они в центре стреляли. Папа в это время приехал, шел по городу: там трупы везде валялись, бэтээры стояли, пехотные мины разбросаны... Я вот головку от ручного мìnомета подобрал. Вы же детей знаете — они как расползутся и все подбирают... Я в своей комнате сидел, мама рядом. В пять часов рвануло. В столе вот такая дырка зловонная, обоим все попортило. Меня быстро в больницу. Боли никакой не было.

Уже на полете к аэропорту Дюссельдорфа мы увидели

шесть ярких машин. Ментально подкатили трап и бородачи Рональда Гегенфутнера стали разносить детей по машинам. Самых тяжелых — тут же, с сиренами и на скорости сто сорок километров в час повезли в окрестные клиники, где уже ждали врачи и готовились операционные.

Первую операцию сделали пятилетнему Насимджону Тагоеву. Почти год он жил в таком состоянии, что, шая читателя, мы не публикуем его фотографии...

Из пресс-релиза Детского фонда: «Тагоев Насимджон, Таджикистан, огнестрельная политравма, ослепленная ожогами дыхательных путей, результат взрыва бомбы, упавшей на его дом...»

Трехчасовую операцию в госпитале святой Катарини (г. Унна) делал специалист по ожоговой и пластической хирургии доктор Вимер. При встрече с нами на другой день он сказал «Мы сделали все возможное, мальчик будет жить...»

В госпитале, где ничто не напоминает о больнице и в фойе бьет фонтан, а по стенам висят картины, я заметил у выхода плакат «Хоро-

шо видеть можно только сербнем. Существенное невидимо для глаз».

Еще несколько лет назад сколько пламенных речей было о детях, сколько рубрик в газетах, сколько знаменитостей стрелилось «засветиться» в качестве благодетелей, сколько километров пленки засняли в детдомах и интернатах! Где это все, где эти славные люди? Кто теперь знает, что только в России — двести тысяч глухих детей, а фирма, выпускающая слуховые аппараты, осталась в Таллине? Кто знает, что только в России 13 тысяч слепых детей? Кто считал, сколько детей пострадало в гражданских войнах на территории СНГ? В Германии нас об этом спрашивали, но даже сотрудницы нашего Детского фонда имеют лишь приблизительное представление о жертвах среди детского населения.

Когда мы уезжали, тринадцатилетний Георгий Курдиани сказал, что ему в Германии нравится, здесь хорошо кормят и вокруг хорошие люди, но ему поскорей бы на родину «Страшно скучаю...». Георгий должен сделать протез, такой не могут сделать в Грузии, а ногу надо еще и ле-

чить. Полгода назад Георгий падал с отцом в горящем вертолете, и отец успел у земли вытолкнуть сына...

Все, кого сейчас ждали на лечение во «Фриденсдорфе» («деревне мира»), доехали. Все, кроме девочки Тамары из Грузии. В последний момент родители не смогли расстаться с девочкой, а с родителями во «Фриденсдорфе» не принимают. Мать сказала, что она никогда не сможет расстаться с дочкой, это выше ее сил.

А про Тамару в документах я нашел такую запись: «Обширное огнестрельное ранение брюшины, пуля в голове...».

Не знаю, как спится по ночам политикам, снайперам и бойцам «вооруженных группировок». Не знаю, кто и когда их накажет... Только мне хочется сообщить им сейчас: их пуля по-прежнему в голове у пятилетней девочки Тамары.

Дмитрий ШЕВАРОВ.
(Наш спец. корр.)

Дюссельдорф — Москва.

Для тех, кто может помочь: счет международной ассоциации детских фондов 707101 в ОПЕРУ Мосбизнесбанка МФО 298093 (на программу «Фронтальные дети»)